

УДК 1:32 (091)  
ББК 87.3(2)-688

**Дмитрий Владимирович Барановский**

Независимый исследователь, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург,  
e-mail: afinus@gmail.com

## **«Рев племени» В.Н. Муравьева как историософия общего дела**

*Аннотация.* В современной истории русской философии актуальной остается проблема аутентичности, «русскости» отечественной философской традиции. В науке до сих пор преобладает подход, согласно которому русская интеллигенция XIX – начала XX в. черпала вдохновение преимущественно в европейской философии. Однако взаимодействие европейского рационализма и русской национальной традиции носило не односторонний, а диалектический характер, что недостаточно учтено в существующих исследованиях. На материале работы В.Н. Муравьева «Рев племени» (1918 г.) рассматриваются историософские проблемы русской мысли, связанные с осмыслением судьбы России. С использованием феноменологического, герменевтического и диалектического методов позволяет выявить смысловые структуры текста и проследить диалектический синтез европейской и отечественной философских традиций. Отмечается, что Муравьев, решая проблему разрыва между интеллигенцией (отвлеченным рационализмом) и народом (действительно-целостным мирозерцанием), использует ряд философских идей Н.Ф. Федорова. Обосновывается положение о том, что «Рев племени» представляет собой уникальный синтез русской православной культуры и религиозно-философской мысли. Отмечены тенденции к восприятию Муравьевым в 1920-е гг. философии регуляции природы Н.Ф. Федорова. Делается вывод, что Муравьев намеренно использует отечественную традицию для решения историософской проблемы разобщения интеллигенции и народа, приведшей к большевистской революции 1917 года, и для создания образа будущей России, в котором будет решена ключевая проблема разрыва между интеллигенцией и народом и тем самым сохранена русская национальная идентичность.

*Ключевые слова:* историософия, космизм, философия общего дела, соборность, продолжительное миробразование, русская социальная философия

**Dmtriy Vladimirovich Baranovskiy**

Independent researcher, candidate of philosophical sciences (PhD), Russia, Saint-Petersburg,  
e-mail: afinus@gmail.com

## **“The Roar of the Tribe” (“Rev plemeni”) by V.N. Muravyov as a Historiosophy of the Common Cause**

*Abstract.* In the contemporary history of Russian philosophy, the problem of authenticity – the “Russianness” of the Russian philosophical tradition – remains relevant. Scholarship to date has been dominated by an approach according to which the Russian intelligentsia of the 19th and early 20th centuries drew inspiration primarily from the European philosophical tradition. However, the interaction between European rationalism and the Russian national tradition was not one-sided but dialectical in character – a fact insufficiently accounted for in existing research. Based on V.N. Muravyov's work “The

Roar of the Tribe" (1918), this article examines the historiosophical problems of Russian thought concerning the fate of Russia. Employing phenomenological, hermeneutic, and dialectical methods, the study identifies the semantic structures of the text and traces the dialectical synthesis of European and Russian philosophical traditions. The research reveals that in addressing the problem of the intelligentsia–people divide – that is, the split between abstract rationalism and the active-integral worldview – Muravyov draws on a number of philosophical ideas present in the legacy of N.F. Fedorov. The article argues that "The Roar of the Tribe" constitutes a unique synthesis of Russian Orthodox culture and religious-philosophical thought, in which tendencies toward Muravyov's subsequent reception of N.F. Fedorov's philosophy of the regulation of nature in the 1920s are already evident. The author concludes that Muravyov deliberately draws on the national tradition in order to resolve the historiosophical problem of the disunity between the intelligentsia and the people—a disunity that led to the Bolshevik Revolution of 1917 – and to create an image of Russia's future in which the problem of the intelligentsia-people divide will be resolved and, thereby, Russian national identity preserved.

*Key words:* historiosophy, cosmism, philosophy of the common cause, sobornost (conciliarity), continuous world-formation, Russian social philosophy

**DOI:** 10.17588/2076-9210.2026.2.068-081

В хрестоматийном «иконостасе» представителей русского религиозно-философского ренессанса имя Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930(32?)) стоит во втором или третьем ряду, уступая в славе Н.Ф. Федорову, Вл.С. Соловьеву, Н.А. Бердяеву и др. Не вызывает сомнений, что названные мыслители дали миру и российскому обществу глубокую философскую рефлексию истории России. Однако работы В.Н. Муравьева примечательны тем, что в них уникальным образом сочетаются самобытные русские истоки мышления: православие и рожденные в русском православии философские идеи, мотивы славянского язычества, мистицизм, русский космизм, восходящий к философии общего дела Н.Ф. Федорова. Исследование философского наследия В.Н. Муравьева, таким образом, дает возможность говорить об уникальности и самостоятельности русской религиозной философии XIX–XX вв., а также о самобытности отечественной историософии.

Работу «Рев племени» (1918 г.) В.Н. Муравьев писал во время событий революционного и пореволюционного времени<sup>1</sup>. Этот период для Муравьева был наполнен чувством трагедии, гражданской и нравственной боли, проживая которое, философ старался найти соответствующий его нравственному устройству выход, о чем свидетельствуют тексты пореволюционных лет. Так, в статье «Собирание России» (1918 г.) Муравьев вопрошает: «Куда деться от внутренней боли, от жгучего стыда, от смертельной тоски по умирающей России?» Однако уже в следующем абзаце дает ответ в духе соборности: «Но если таковы чувства каждого, то вместе с тем это чувства *всех* русских людей, любящих Родину» [2, с. 73]. И это состояние «боли», «стыда», «тоски», свойственное каждому гражданину России тех лет, для Муравьева означает слияние разделенных людей в «одно отчаяние»,

---

<sup>1</sup> См.: Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 28–40 [1].

объединенное «великим горем». В этом объединении Муравьев уже видит «какое-то соборное таинство». «Если моя отдельная боль о России повергла меня в отчаяние от чувства моей малости, моего бессилия, – пишет Муравьев, – моя боль вместе с миллионами русских людей уже дает мне ощущение какой-то силы. Это уже не страдание за Россию, это страдание самой России» [2, с. 73]. Примечательно повторенное дважды неопределенное местоимение «какой-то». Философ подчеркивает неясность того соборного таинства, которое рождает неизвестную силу. Неясность, вероятно, связана с новизной явления, которое предчувствует Муравьев, с неизвестным истории проявлением человечества. В космизме управляемый человеком мир не может нести в себе больше опасностей, чем несет в себе сам человек. Если же человек вместе со всем обществом (как национального, так и мирового масштаба) преследует нравственные цели и творит целостный идеал, то зло не может возникнуть. Как писал Н.Ф. Федоров, «нельзя даже сказать, что Бог создал слепую силу, ибо Он создал и разумную, и только по бездействию последней творит зло первая» [3, с. 94].

Существенно отметить, что у Муравьева делается акцент не на одиноком герое, а на совокупности людей, народе, объединенном общим чувством любви к Родине, на основе которого образуется собор. Философ уповает на народ. Однако только общим чувством собор не ограничивается – скрепленный верой, он совершает общее соборное действо. В этом слышны отголоски концепции В.А. Кожевникова (ученика Н.Ф. Федорова), который изложил разницу между философией чувства и веры и философией действия, а также их синтеза в философии общего дела Н.Ф. Федорова. В частности, в работе «Философия чувства и веры» (1897 г.) В.А. Кожевников, критикуя одного из наиболее ярких представителей этого философского направления XVIII в. И.Г. Гамана, пишет: «Гаманн [авторское написание. – прим. Д.Б.] не понял, что конечное назначение всякого знания и всей науки есть ... деятельность восстанавливающая, оживляющая, воскрешающая и объединяющая» [4, с. 750]. Таким образом, в поисках решения поставленной историей проблемы русской революции В.Н. Муравьев идет стопами Н.Ф. Федорова и его учеников. Непосредственное чувственное постижение Муравьевым и «миллионами русских людей» трагедии России, а также раскрывающейся в этой трагедии «какой-то силы» требует действий.

Характерной чертой космизма является категория стихийности, которая встречается в самом начале работы В.Н. Муравьева «Рев племени»: «А в это время в другом, безмолвном лагере [народном, – прим. Д.Б.] нечто совершалось. Шум грозный родился, и, гулко вздрогнув, огласилась им тишина ... звуки росли громче, и то был уже не шум людей, но ропот моря. И море, казалось, вздымается и бушует, и ревет ревом вопиющим, возрастающим, с силой чудовищной разбивая окрестные берега. И я понял, что то не моря рев, но рев народа, рев племени», – описывает Муравьев пробужденные в 1917 году силы народа, которые ему удалось услышать [5, с. 53]. Ожидание иного, нового мира – характерная черта рус-

ской мысли начала XX века. Это ожидание уловил ленинградский писатель и мыслитель 1960–1970-е гг. Б.Б. Вахтин (1930–1981) и представил его в ключе философии космизма: «Иное бытие – иной мир, просто иное, Инония... <...> Казалось, перед революцией удесятирилось ожидание, предчувствие, предвидение золотого века, рая на земле; казалось, вся душа нации исступленно бредила и грезилась чем-то единым, в котором сплетались нерасторжимо смерть и бессмертие, золотой век и гибель, могильный мрак и ослепительный свет, кровавое знамя убийц и белые розы терниев Христа» [6, с. 834]. Значение философии космизма для понимания описанного явления Б.Б. Вахтин подчеркивает через фигуру Н.Ф. Федорова: «Одним из самых могучих мыслителей этой полосы был скромный служащий Румянцевского музея Николай Федорович Федоров» [6, с. 834]. Соединение ожидания «иноного, нового мира» с именем Федорова неслучайно. Именно в космизме, идейно восходящем к Федорову, заметно особое отношение к истории человечества – как к еще только начинающейся, ведь человечество стоит еще только на пороге своего «совершеннолетия», своей способности самостоятельно осуществлять регуляцию природы (вспомним о труде В.Н. Муравьева «Овладение временем как основная задача научной организации труда» (1924 г.)), человечество находится в начале своего восхождения. Вахтин, свидетель первого полета человека в космос, мог видеть подтверждение этого тезиса, в то время как Муравьев только предчувствовал, интуитивно улавливал надвигающиеся изменения.

Существенно отметить, что космизм в отличие от, например, нищезанятия и марксизма, с которыми его нередко сравнивают<sup>2</sup>, говорит о Бого-человеческом акте и со-творении. Названные же направления утверждают полную доминацию человека над миром живого и неживого. Это отличает космизм, восходящий к «Философии общего дела» (1906 г.), от других философских течений модерна, которые устремлены в нишу, возникшую после пресловутой «смерти Бога»<sup>3</sup>. Эта концептуальная особенность заметна в работе «Рев племени». Космизм утверждает концепцию продолжающегося творения, в основе которой лежит толкование Библии. Так, проф. А.П. Лопухин в толковании на книгу Бытия писал, что всемогущество Бога позволяло Ему при творении пойти разными путями – сотворить мир в один миг, разделить творческий акт на периоды – дни, а также сотворить, «вложив в мир известные целесообразные законы, предоставить им более или менее естественное течение, приведшее к продолжительному мирообразованию»<sup>4</sup>. И дополняет: «Последнее, на наш взгляд, еще даже более отвечает идее божественной премудрости и благодати Творца» [9, с. 36]. Несомненно, за-

---

<sup>2</sup>См.: Russian cosmism / edited by Boris Groys. New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, 2018. IX, 249 p. [7].

<sup>3</sup>См.: Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб.: Наука, 2019. С. 61–62 [8].

<sup>4</sup>См.: Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. М.: ДАРЪ, 2009. С. 36 [9].

коны, о которых пишет А.П. Лопухин, являются внешними по отношению к человеку, ведь не человек, а Бог устанавливает их. Однако созданное Богом сознание человека оказывается тождественно законам мира, и это показывает вовлеченность человека в сотворческий акт. На это обращает внимание один из главных последователей и толкователей учения Федорова Н.П. Петерсон. В печатном споре с С.А. Голованенко Петерсон, в частности, пишет, что до достижения Богочеловеческого единения и состояния человек должен восстановить «все, погибшее по его греху; погибшее потому, что человек не исполнил заповеди Господа, данной при сотворении, – управлять миром»<sup>5</sup>.

Таким образом, можно утверждать, что сотворческий акт Бога и человека – это не столько изобретение космизма, сколько одно из возможных толкований библейского сюжета о Творении. Н.Ф. Федоров, Вл.С. Соловьев и вслед за ними многие мыслители, включая В.Н. Муравьева, делали акцент на активном участии человека в процессе продолжения акта творения. И этот акцент был сделан как нельзя вовремя – перед самым апогеем индустриальной эпохи, когда вооруженный техническими инновациями человек набрал поистине титаническую силу, которую можно направить как на сохранение и восстановление жизни, так и на ее разрушение и уничтожение.

История для космизма – это область деятельности человека и Бога, работа спасения мира и человечества. Мир, творимый в истории, согласно русскому космизму, не есть акциденция (что свойственно акосмизму), не есть также объект поклонения (подобно тому как идеализированно воспринимался космос в античной мысли). В мире действует человек. Ориентиром для его деятельности является Божественное откровение, данное в Священном тексте. Н.Ф. Федоров выражает мысль о «несовершеннолетии» человечества – состоянии, когда человек не способен самостоятельно творить историю, а подвержен влиянию стихийных сил природы. Совершеннолетие же человечества, по Федорову, это чаемое состояние исполненного религиозной веры разума, направленного на регуляцию природы, преодоление смертности и воскрешение. Муравьев усматривает эту интенцию к историческому творчеству в русском национальном характере: «Для древнерусского человека прошлое, то, что делали отцы и деды, было вечно живым, присутствовало в делах его и направляло их. Он чтит таинственную связь времен, и Бог Совершенный ощущался им одинаково в начале и в конце исторического процесса» [5, с. 57].

Говоря о соборности, на которую ориентируется В.Н. Муравьев, стоит отметить, что соборность, будучи весьма объемным понятием, у разных авторов обретает разные оттенки смысла. Н.Ф. Федоров предлагает следующую «неученую» трактовку: «В детском чувстве всеобщего братства скрывалось то, что каж-

---

<sup>5</sup> См.: Петерсон Н.П. О религиозном характере учения Н.Ф. Федорова: (По поводу ст. С.А. Голованенки в «Богословском Вестнике» 1914 г.). М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. С. 26 [10].

дый человек есть сын, внук, правнук, праправнук, потомок отца, дедов, прадедов, общего, наконец, праотца. А если для дитяти все люди братья и сестры, то что же такое он сам, этот ребенок, как не сын человеческий? Кому же тогда принадлежит Царство Божие? Детям и тем, кто сохранил детское чувство» [3, с. 81]. В этом прочитываются евангельские слова Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»<sup>6</sup> ([Мф. 18:3]). Соборность в космизме, таким образом, есть священное детское чувство родства всех живых, живших и будущих поколений между собой, а также имманентное ощущение сыновства.

Подчеркнем, что, несмотря на смещение у мыслителей первой половины XX века семантического акцента концепции соборности на коллективизм и даже тоталитаризм<sup>7</sup>, Муравьев сохраняет изначальный социально-философский посыл этой концепции. Так, во второй части «Рева племени» философ называет «ложным и извращенным мнением» представление о «растворении в соборном целом» древнерусской личности, ведь не существует «противоположности между личностью и соборным целым»<sup>8</sup>. Со свойственной космизму критикой радикальных положений индивидуализма и социализма (вспомним федоровское «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех. это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов)»<sup>9</sup>) Муравьев подчеркивает: «Такое противоположение в самом деле существует между индивидуализмом, замыкающим всю жизнь в пределы одной личности, и социализмом, уничтожающим личность в механическом соединении людей. <...> Живая личность и живое конкретное соборное целое неразрывно связаны и взаимно входят друг в друга, взаимно обогащаются» [5, с. 57].

Кроме того, Муравьев избегает распространенной в его время интенции к секуляризации соборности и выведению этой концепции из богословского дискурса. Тем самым философ следует изначальной философской рефлексии соборности, данной А.С. Хомяковым. Последний отмечал, что лишь в православии сохранилась подлинная соборность: «Ибо один Бог, и одна Церковь, и нет в ней ни раздора, ни разногласия. Посему Церковь называется православною» [13, с. 23].

---

<sup>6</sup> Примечательно, что в 18 главе Евангелия от Матфея, начинающейся ответом Христа на вопрос учеников «кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18:1) есть следующие слова: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18:11), на которые, вероятно, опирался Н.Ф. Федоров, когда писал о миссии Богочеловеческого действия: «...мысль, что чрез нас, чрез разумные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте и тем исполнит волю Бога, делаясь подобием Его, Создателя своего» [11, с. 165].

<sup>7</sup> См.: Biriukov D. Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost // Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds I. Paert, A. Shishkov and A.R. Kolosova. 2025. (URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Дата обращения: 20.04.2026)) [12].

<sup>8</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 57.

<sup>9</sup> См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... С. 110.

Ни римская католическая церковь, где присутствует единство, но отсутствует свобода, ни протестантизм, где «плоды обнаруживаются во внутреннем раздоре верований, в признанном или неизбежном субъективизме», т.е. есть свобода при отсутствии единства – «это не та свобода, которой Бог открыл Свои тайны»<sup>10</sup>. Соборность в русской философии неразрывно связана с православием. Утверждая одновременно христианский характер русской культуры и соборный характер общественного устройства древнерусского общества, Муравьев следует русской религиозно-философской традиции.

В третьей части работы «Рев племени» Муравьев переходит к проблеме ответственности за большевистскую революцию и другие общественные вызовы XIX–нач. XX в. Он говорит об «отрыве русской идейной жизни от ее религиозных и национальных корней», который был отмечен еще П.Я. Чаадаевым<sup>11</sup>. Отрыв интеллигенции от народа и церкви заключается в переходе первой к умозрительному мышлению, лишенному действия. «Интеллигенция оторвалась от народа, – пишет В.Н. Муравьев, – отвергла древнерусское мирозерцание», в то время как традиционное русское мышление было неотъемлемо от действия, благодаря чему возникла «небывалая цельность духа» русской культуры. Известную радикальность отечественной культуры – «русский человек и тогда, как теперь, вечно бросался в крайности, творил рядом преступления и духовные подвиги» – Муравьев объясняет цельностью мысли и действия русского человека: «Не было в нем раздвоенности между мыслью и действием. <...> Для него мысль, ощущение, чувство, действие, из них вытекающее, – были тождественны» [5, с. 54–55]. Источником тождества мышления, чувства и дела Муравьев считает русское православие, ведь «внутренняя сущность православия – в его самодовлеющей полноте <...> Дух православия есть дух всеобъемлющий»<sup>12</sup>. Эта полнота, считает Муравьев, снимает любые противоречия – «субъекта и объекта, сознания и бытия и прочих кажущихся противоположностей»<sup>13</sup>. Это целостное мирозерцание выражается, по мысли философа, в крайней значимости обрядовой составляющей в православии древней Руси<sup>14</sup>.

«Со времени Петра, – пишет Муравьев, – начинается отрыв образованных русских классов от народа и усвоение ими нового западного мирозерцания» [5, с. 59]. Народ же «остался при старом. <...> Он продолжал жить исторически, воспринимая события и участвуя в них целостным, действенным образом»<sup>15</sup>. Однако народ, «выделяющий» из себя образованную часть, нуждается в ней, подобно тому как «цветок плодоносный для растения – необходимый орган, обновляющий

<sup>10</sup> См.: Хомяков А.С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 182–183 [14].

<sup>11</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 59.

<sup>12</sup> Там же. С. 56.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же. С. 59.

<sup>15</sup> Там же.

его жизнь и двигающий его развитие». Но интеллигенция не давала нового развития народу – напротив, она отторгала свойственную ему историю и культуру и «воспринимала чуждое народу мирозерцание, отрывалась от народа, жила вне связи с русской историей»<sup>16</sup>. В результате «древнее мирозерцание наше не могло развиваться», «не развиваясь же, оно должно было зачахнуть и умереть»<sup>17</sup>.

Исчерпание народной культуры, начавшееся в нач. XIX в., В.Н. Муравьев считает причиной русской смуты XX в: «Три века держалось оно [древнее народное мирозерцание. – прим. Д.В.], несмотря на ожесточенную войну, объявленную ему интеллигенцией, и три века им держалось русское государство. Наконец, к началу XIX века народ оказался вовсе без мирозерцания. Старое умерло, нового он не усвоил» [5, с. 56]. Муравьев возлагает ответственность за социальные конфликты на интеллигенцию, которая усвоила европейскую философскую мысль максималистски (что также является чертой русского национального характера), оторвавшись от древней народной культуры. Интеллигенция вступила на путь отвлеченной теории, «умственности в худшем ее виде», разделяющей мысль и дело, в то время как народу это разделение было несвойственно. Произошел культурный разрыв, а за ним – социальная аномия.

Оставаясь «цветком плодоносным» для народа, интеллигенция со свойственным русской душе максимализмом усвоила «совокупность идей, отражавших все главные течения европейской мысли», пишет Муравьев<sup>18</sup>. Все идеи «доводились без колебаний до конца. Из них сделаны были бесстрашно все последние, самые суровые и нелепые выводы. Русские интеллигенты остались русскими людьми, искали в европейских откровениях последнюю религиозную правду. И в каждой идее, в каждой теории старательно, ни перед чем не останавливаясь, ее выводили»<sup>19</sup>. Иными словами, Муравьев постулирует тезис о внутренней религиозности русской культуры, интенции поиска религиозной правды? свойственной как народу, так и интеллигенции, ведь «наиболее полным идеалом древнего русского мирозерцания было Царство Божие на земле»<sup>20</sup>. Позднее Н.А. Бердяев назовет характер русской культуры «эсхатологическим по конечной цели»<sup>21</sup>.

Однако Муравьев заостряет конфликт, подчеркивая, что интеллигенция создала для народа искусственную правду в виде социалистических и либеральных идей. Народ же воспринял эту правду со свойственным ему деятельным подходом, несмотря на «умственный» характер социализма и либерализма: «умственная мысль рассуждает о чем-то вообще, об отвлеченных понятиях, каче-

---

<sup>16</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 60.

<sup>17</sup> Там же. С. 56.

<sup>18</sup> Там же. С. 60.

<sup>19</sup> Там же. С. 60–61.

<sup>20</sup> Там же. С. 58.

<sup>21</sup> См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / под ред. М.А. Маслина. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 43 [15].

ствах, категориях. Противоположность умственной мысли есть мысль конкретная, имеющая все время в виду “этость” предмета, о котором она рассуждает»<sup>22</sup>. Здесь, по мнению В.Н. Муравьева, кроется трагедия русской истории, от которой «умственность» отрывает человека, превращая его в отвлеченный спекулятивный концепт: «Конкретная мысль есть всегда мысль историческая. <...> Сущность конкретной мысли есть постижение прошлого как единственно существующего. И постижение это необходимо не умственное, а целостное, всем существом человека» [5, с. 61].

В данной части текста В.Н. Муравьева, на наш взгляд, нетрудно рассмотреть образ интеллигента, не оторвавшегося от народа, сохранившего имманентную народной душе целостность, – Н.Ф. Федорова. Более того, сходный взгляд на историю русской интеллигенции встречается и у самого Н.Ф. Федорова. Во второй части «Вопроса о братстве...» (1906 г.) Федоров ставит «вопрос о примирении военно-гражданского с христианским, веры с знанием, светского с духовным» и подчеркивает «противоречие военного с христианским, ... глубокое противоречие гражданского с христианским и ... еще более глубокое противоречие между христианским и естественным»<sup>23</sup>. Не заметив эти противоречия, считает Федоров, «во имя естественного Запад отверг христианское, а за Западом и наша интеллигенция в большей ее части»<sup>24</sup>. Говоря шире, Федоров принципиально критиковал разрыв «ученого» и «неученого» сословий, всегда вставая на защиту последнего, к которому относил и себя. Об этом свидетельствует название одной из главных его работ – «Записка от неученых к ученым...» (1906 г.)<sup>25</sup>.

В заключительной четвертой части «Рева племени» В.Н. Муравьев утверждает безвозвратный разрыв между отвлеченно мыслящей интеллигенцией и действительно ориентированным народом: «Идея хотела направить действие, но действие уничтожило идею. Последняя превратилась в дым, в мечту. Осталось одно действие, без идеи ... вместо интеллигенции, подчиняющей народ внушенному разумом идеалу, оказался народ, подчинивший своим неразумным действием интеллигенцию» [2, с. 66].

Конкретность истории – ключевая категория «Рева племени» – оказалась сильнее отвлеченного мирозерцания. История для Муравьева – «конкретный материал для нашего действия». Социология же, набравшая популярность на границе XIX–XX вв., выступает для Муравьева источником правил, которые «сознаются нами не как правила даже, а ощущаются как силы, как непререкаемые обязательства, завещанные прошлым и толкающие нас к определенным совершениям будущего»<sup>26</sup>. То есть социологическая мысль выступает в качестве

<sup>22</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 61.

<sup>23</sup> См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... С. 120.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Полное название – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)».

<sup>26</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 69.

исследовательской методологии для постижения самой глубины народной жизни, по правилам которой следует выстраивать всякий образ будущего во избежание социальных «провалов» и «разломов», каким явился отрыв интеллигенции от народа. Так, по Муравьеву, достигается соединение теории с практикой, при котором «наше познание исходит ... из момента сегодняшнего, конкретного, "этого", включающего одинаково и время, и вневременность» [5, с. 69]. Наука встает на рельсы религиозной практики, обретая нравственный вектор, что отражает этику философии общего дела Н.Ф. Федорова.

Практически социология В.Н. Муравьева должна быть реализована появлением новой, не оторванной от народной жизни интеллигенции: «Мы должны наконец сознать свою нерасторжимую связь с историей и с народом, творящим историю» [5, с. 69]. «То, что мы испытываем, и то, что мы выражаем, есть то, что испытывает и выражает в веках русский народ. Мы – его вестники и глашатаи. <...> Мы уносимся внутренне в его бушующей, идущей из глубины веков стихии» [2, с. 69–70]. Буквально вторя Н.Ф. Федорову, призывавшему к регуляции стихийных сил природы объединенными усилиями «ученых и неученых», Муравьев констатирует гибель кабинетного типа мыслителя, которого «смяла и разнесла» народная стихия. И «рев племени» одновременно есть «животворный родник истории», от которого «будут черпать отныне творцы новой русской действительности»<sup>27</sup>.

По мысли Н.Ф. Федорова, любая стихия слепа, и глаза ей дает человеческий разум. Муравьев согласен с этим положением и предлагает направление для «народной стихии». Средневековую культуру, проникнутую духом соборности в Церкви и духом родства в частной жизни, подменила «плоскостность ... отрицание времени, рода и племени». На этой почве, по мнению Муравьева, и стали возможны «глупость и невежество» революции, которая явилась «царством ... одномерности настроений и влечений». «Убивающая плоскость» есть «царство трупов, похороненных без отпевания». Однако Муравьев в федоровском жизнеутверждающем ключе восклицает: «Смерти нет. Она – отвратительное подобие жизни, внешнее целое ... труп – кощунственное подражание человеку» [5, с. 70]. Уподобляя интеллигенцию Софии Премудрой, Муравьев верит в ее покаяние и возвращение «в отеческое лоно, в хранилище русского духа». После чего «русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности». Наступит время, когда «человек сознал себя народом и слабые члены свои, смертные в настоящем, бессмертно расправил в безвременной временности веков»<sup>28</sup>. Очевидно, что мысли Муравьева свойственна интенция к преодолению конфликта между народом и интеллигенцией путем соучастия обоих социальных страт в восстановлении подлинно народной жизни путем искоренения «убивающей плоскости» рационализма из последней. Это роднит философа с движением славянофилов и Ф.М. Достоевским.

---

<sup>27</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 70.

<sup>28</sup> Там же. С. 71–72.

Анализ работы В.Н. Муравьева «Рев племени» показывает изменения в отношении философа к революции и советской власти. Если в 1924 г. Муравьев напишет «Овладение временем...», где старается идти в русле общественных и государственных запросов научной организации труда<sup>29</sup>, то в 1918 г. философский интерес Муравьева сосредоточен на историософии России, источниками которой являются русское православие и идеи русской религиозной философии. Подчеркнем также, что в «Реде племени» есть лишь одно (хотя концептуально значимое) упоминание гностических концептов (Софии и Эона<sup>30</sup>), но отсутствуют мистические аспекты, свойственные более позднему произведению В.Н. Муравьева «София и Китоврас» (1921–1925 гг.).

Существенно отметить, что философии истории Муравьева не свойственна надежда на разрушение старого и рождение нового мира из субъектного хаоса, свойственная многим интеллектуалам нач. XX в. Это роднит его мысль с идеями Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова<sup>31</sup>. Муравьев выражает веру в народ, в глубокое его православное начало, которое уже содержит потенцию космической гармонии. Народная действенность призвана уравновесить блуждающий ум интеллигенции. Утверждение Муравьева об имманентности православия русскому народу сходно утверждению Вл.С. Соловьева, высказанному в «Русской идее» (1888 г.): «Народ русский – народ в глубине души своей христианский» [18, с. 245]. Положение Муравьевым в основание «органического соединения людей», т.е. соборности, родства, «сознания единого корня, связующего разрозненные как будто действия»<sup>32</sup>, на наш взгляд, отсылает к философии общего дела Н.Ф. Федорова, где родство также является связующей нитью атомизированных индивидов в едином воскресительном проекте и главным источником скрепляющего соборного чувства. Кроме того, работы В.Н. Муравьева наполнены метафорами и олицетворениями, свойственными литературному тексту, и в этом выражается существенная черта русской философии – ее близость художественной литературе.

Поскольку Муравьев во время написания текста «Рев племени», вероятно, еще не был знаком с идеями Н.Ф. Федорова, прямые цитаты и упоминания его имени отсутствуют. Тем не менее проведенный анализ позволяет обнаружить в тексте Муравьева концептуальные тенденции, которые в 1920-е гг. станут определяющими для открытого и положительного восприятия В.Н. Муравьевым философии общего дела Н.Ф. Федорова.

<sup>29</sup> См.: Барановский Д.В. Философское наследие Н.Ф. Федорова в XX–XXI вв.: проблема формирования отечественной исследовательской традиции: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. С. 63–84 [16].

<sup>30</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 71.

<sup>31</sup> См.: Романов Д.Д. Софиологический и персоналистический аспекты интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 3(87). С. 142 [17].

<sup>32</sup> См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 70.

### Список литературы

1. Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 28–40.
2. Муравьев В.Н. Собрание России // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / сост., предисл. и коммент. Г.П. Аксенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 73–75.
3. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
4. Кожевников В.А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. Ч. 1. М., 1897. 757 с.
5. Муравьев В.Н. Рев племени // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / сост., предисл. и коммент. Г.П. Аксенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 52–72.
6. Вахтин Б.Б. Человеческое вещество // Портрет незнакомца / сост.: И.В. и Н.Б. Вахтины. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2010. С. 817–923.
7. Russian cosmism / edited by Boris Groys. New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, corp., 2018. IX, 249 p.
8. Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб.: Наука, 2019. 568 с.
9. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. М.: ДАРЪ, 2009. 1056 с.
10. Петерсон Н.П. О религиозном характере учения Н.Ф. Федорова: (По поводу ст. С.А. Голованенки в «Богословском Вестнике» 1914 г.). М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. 30 с.
11. Федоров Н.Ф. Заметки личного характера // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. IV. М., 2004. С. 161–168.
12. Biriukov D. Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost. In The Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds I. Paert, A. Shishkov and A.R. Kolosova. 2025 Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Дата обращения: 20.04.2026))
13. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 5–23.
14. Хомяков А.С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 129–195.
15. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / под ред. М.А. Маслина. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 43–271.
16. Барановский Д.В. Философское наследие Н.Ф. Федорова в XX–XXI вв.: проблема формирования отечественной исследовательской традиции: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. 189 с.
17. Романов Д.Д. Софиологический и персоналистический аспекты интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 3(87). С. 132–145. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.132-145.
18. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.

## References

## (Sources)

*Collected Works*

1. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya [Russian Idea], in *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October Diaspora]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1990, pp. 43–271.
2. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve... [The Question of Brotherhood or Kinship...], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. I* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.
3. Fedorov, N.F. Zametki lichnogo kharaktera [Personal Notes], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vols., vol. IV]. Moscow, 2004, pp. 161–168.
4. Groys, B. *Russian cosmism* (ed.). New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, cop., 2018. IX. 249 p.
5. Khomyakov, A.S. Tserkov' odna [The Church is One], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Raboty po bogosloviyu* [Collected Works in 2 vols., vol. 2. Theological Works]. Moscow: Medium, 1994, pp. 5–23.
6. Khomyakov, A.S. Eshche neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroispovedaniyakh. Po povodu raznykh sochineniy latinskikh i protestantskikh o predmetakh very [A Few More Words of an Orthodox Christian Concerning Western Confessions. On the Occasion of Various Latin and Protestant Writings on Matters of Faith], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Raboty po bogosloviyu* [Collected Works in 2 vols., vol. 2. Theological Works]. Moscow: Medium, 1994, pp. 129–195.
7. Solov'ev, V.S. Russkaya ideya [Russian Idea], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works, in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 219–246.
8. Lopukhina, A.P. (red.). *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta. V 7 t., t. I: Pyatiknizhie; Istoricheskie knigi* [Explanatory Bible, or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. In 7 vols., vol. I: Pentateuch; Historical books]. Moscow: DAR, 2009. 1056 p.

*Individual Works*

9. Kozhevnikov, V.A. *Filosofiya chuvstva i very v ee otnosheniyakh k literature i ratsionalizmu XVIII veka i k kriticheskoy filosofii. Ch. 1* [Philosophy of Feeling and Faith at Its Relationship to Literature and Rationalism of the 18th Century and to Critical Philosophy. Part 1]. Moscow, 1897. 757 p.
10. Murav'ev, V.N. Rev plemeni [The Roar of the Tribe], in Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time. Selected Philosophical and Publicistic Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998, pp. 52–72.
11. Murav'ev, V.N. Sobiranie Rossii [Collecting Russia], in Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time. Selected Philosophical and Publicistic Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998, pp. 73–75.
12. Peterson, N.P. *O religioznom kharaktere ucheniya N.F. Fedorova: (Po povodu st. S.A. Golovanenki v «Bogoslovskom Vestnike» 1914 g.)* [On the Religious Character of N.F. Fedorov's Teaching: (Regarding the Article by S.A. Golovanenko in the “Bogoslovskiy Vestnik” of 1914)]. Moscow: pech. A.I. Snegirevoy, 1915. 30 p.
13. Vakhtin, B.B. Chelovecheskoe veshchestvo [Human Substance], in Vakhtin, B.B. *Portret neznakomtca* [Portrait of a Stranger]. Saint-Petersburg: ZAO «Zhurnal “Zvezda”», 2010, pp. 817–923.

**(Articles from Scientific Journals)**

14. Kolerov, M.A. Sbornik «Iz glubiny» (1918): osoznanie diktatury. Novye dannye [Collection "From the Depths" (1918): Awareness of Dictatorship. New Data], in *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 28–40.

15. Romanov, D.D. Sofiologicheskiy i personalisticheskiy aspekty interpretatsiy kontseptsii khaosa v poezii F.I. Tyutcheva v russkoy filosofii [Sophiological and Personalistic Aspects of Chaos Concept in F.I. Tyutchev's Poetry Interpretations in Russian Philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 3(87), pp. 132–145. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.132-145.

**(Monographs)**

16. Gryakalov, A.A. *Topos i sub"ektivnost'. Svidetel'stva utverzhdeniya* [Topos and Subjectivity. An Evidence of Assertion]. Saint-Petersburg: Nauka, 2019. 568 p.

**(Thesis and Thesis Abstracts)**

17. Baranovskiy, D.V. *Filosofskoe nasledie N.F. Fedorova v XX–XXI vv.: problema formirovaniya otechestvennoy issledovatel'skoy traditsii*. Diss. ... kand. filos. nauk [The Philosophical Legacy of N.F. Fedorov in the 20th–21st Centuries: The Problem of Forming a Domestic Research Tradition. Cand. philos. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2021. 189 p.

**(Electronic Resources)**

18. Biriukov, D. *Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost. In The Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity*. 2025. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Date of access: 20.04.2026).